форме. Более того, форма многих заимствованных слов в трагедии отражает произношение, свойственное разговорному русскому языку, что дает возможность предположить о заимствовании не обязательно только из письменного или печатного текста.

Одной из характерных особенностей трагедии «Ефигения» Д. Чолокашвили является то, что она снабжена подробными описаниями сцены, сценических эффектов; наряду с этим в тексте много и мелких авторских ремарок. В трагедиях французских классицистов, в том числе и у Расина, театральный пейзаж никогда не занимал такого места. Расин не стеснял постановщика никакими определенными указаниями относительно декораций. В Грузии театр только что начал свое существование, поэтому о собственном опыте не могло быть и речи. Единственно правильным будет допустить, что Д. Чолокашвили был хорошо знаком с постановочной техникой русской сцены. Недаром его называют первым режиссером-постановщиком грузинского театра. Чолокашвили мог не только в качестве зрителя познакомиться со спектаклями русского театра, но иметь и личное знакомство с людьми, так или иначе связанными с театром. Заслуживает, например, внимания тот факт, что среди актеров и людей, причастных к русскому сценическому искусству конца XVIII, начала XIX веков, находится видный актер грузинского происхождения. Из исполнителей классицистической комедии XVIII века выделялся Сила Николаевич Сандунов (1756—1820), «актер необыкновенный по уму гибкому и просвещенному, по таланту сценическому и по стойкости характера», выходец из «благородной грузинской фамилии».[25] С 1794 года С. Н. Сандунов поселился в Москве и до 1810 года играл на московской сцене. По свидетельству Гавриила Ратишвили, автора путевых заметок «Краткий рассказ о России», относящихся к 1801 году, С. Н. Сандунов находился в тесном общении с грузинской эмиграцией, благодаря ему нередко происходило знакомство грузинских культурных деятелей с русскими.

Характерной чертой трагедии «Ефигения» Чолокашвили является ее политическая заостренность, актуальность для своего времени, стремление автора в рамках античной трагедии показать современную ему историческую действительность. Как известно, в конце XVIII века персидский шах Ага-Мохаммедхан был весьма недоволен политикой Ираклия II, направленной на соединение с Россией. Он несколько раз присылал грузинскому

[25] С. С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. Изд. «Искусство», М.—Л., 1948, стр. 106.